

— Осторожно! — Дверь машины распахнулась, впуская в салон аромат жасмина. Девушка в армейской ватной шинели протянула руку, придерживая его за локоть. Ван Ханьлинь поднял глаза и увидел Тянь Дань: в сумерках она казалась светящейся, словно тонкая корка льда на реке, которая вот-вот должна была сковать воду.

В сумке на заднем сиденье затрепыхался карп. Тянь Дань достала из бардачка фруктовую конфету и протянула ему:

— Возьми, рассоси леденец. На улице такой мороз, не хватало еще, чтобы ты в дороге сознание потерял.

Ван Ханьлинь заметил, что она постоянно поправляет выбившиеся из-под шапки пряди волос, заправляя их за уши. Этот жест был до того женственным, что невольно навевал самые разные мысли.

Вскоре машина подъехала к отделению милиции. Ван Ханьлинь вытащил из сумки трех крупных карпов, связал их вместе соломенной веревкой и, держа в руках, последовал за Тянь Дань внутрь.

В дежурной части на печке-буржуйке стоял алюминиевый котелок. Тянь Дань зачерпнула две кружки горячей воды:

— Братишка Ханьлинь, выпей горяченького. Посиди пока здесь, мне нужно кое-какие дела уладить.

— Хорошо, сестрица Дань, иди работай. Вот, возьми рыбу, принесешь домой, приготовишь.

Тянь Дань молча взяла рыбу и передала ее другим бойцам — милиционеры тогда носили военную форму, так что было не разобрать, кто из них солдат, а кто сотрудник органов.

Тянь Дань вышла из дежурки и долго не возвращалась. Ван Ханьлинь огляделся: напротив сидел боец, а рядом с ним — пожилой мужчина.

— Паренек, ты откуда будешь? И где такую рыбу поймал? Немаленькая, — спросил старик.

— Дедушка, а как вас величать? Поймал в дикой речке на западе, названия точного не знаю. А что до рыбалки или охоты — это я умею, — ответил Ван Ханьлинь и, достав пачку Даяньмэнь, протянул одну старику.

— Зови меня товарищ Ю, без лишних формальностей.

— Лучше я буду звать вас дедушка Ю, вы почти одного возраста с моим отцом.

— Хорошо, паренек, а как тебя самого зовут?

— Дедушка Ю, я Ван Ханьлинь, живу в Наньлогусян, 95. После праздников выхожу на работу закупщиком в отдел снабжения сталелитейного завода Красная звезда. Занимаю место своего

дяди, он полгода назад погиб при тушении пожара, — говоря это, он прикурил старику, а затем угостил сигаретой и молодого бойца.

— Неплохо, паренек, потомок героя, — дедушка Ю прищурился, глядя на Ван Ханьлиня, и добавил: — А откуда родом?

— Из деревни Ван, что в Чанпине, дедушка Ю. Я седьмой в семье!

— Ого, немало у тебя братьев и сестер.

— Эх, дедушка Ю, сплошные слезы и горести. Три старших брата, три старшие сестры — в детстве только и делал, что получал тумаки.

— Ха-ха-ха... Ну, это дело обычное. В детстве не поколотишь младшего, а потом, когда силы уже не те, глядишь — младший и сдачи даст.

— Дедушка Ю, да вы мастер подлить масла в огонь!

— Дедушка Ю, судя по вашей выправке, вы ведь старый вояка? Наверное, немало сражений прошли, настоящий герой?

— Не называй меня героем. Японцев поубивал немало, с реакционерами тоже воевал, но я просто счастливчик. Обычный везунчик, который выжил на войне, — в глазах старика отразилась целая жизнь, полная испытаний.

— Дедушка Ю, если такие воины, как вы, не герои, то кто тогда вообще имеет право так называться?

— Герои все погибли. Все до единого.

В комнате воцарилась тишина, слышно было лишь, как бурлит вода в чайнике. Незаметно для самих себя они разговорились. Молодой боец несколько раз заходил и выходил. Вскоре показались Тянь Дань и председатель уличного комитета Ван.

— Ах ты сорванец, уже и дедушку Ю разговорил! Целыми днями где-то шляется, вместо того чтобы дома лечиться, всё по улицам пропадает! — смеясь и ругаясь, председатель Ван схватила его за ухо и принялась отчитывать. Ван Ханьлинь не смел и слова сказать в ответ.

За окном повалил мелкий снег, огонь в печи окрасил пропагандистские плакаты на стенах в ярко-красный цвет.

— Председатель Ван, ха-ха, отпустите ухо.

— Я тебя вызвала, чтобы личность подтвердить. Сама понимаешь, все, кто со мной связан, должны пройти проверку. Если с документами все чисто, вопросов не будет.

— Председатель Тянь, прошу прощения за этот балаган. Его дядю я знала, за его семью могу поручиться — самые что ни на есть настоящие граждане нашей страны, ничего подозрительного.

— Товарищ Ван, из твоего племянника выйдет толк, голова у него светлая.

— Дедушка Ю, не хвалите его, а то совсем от рук отобьется, — заметила председатель Ван. — Вечно занимается непонятно чем, хотя способности есть. Откуда ты вообще научился рыбу ловить? Так, одну рыбку себе оставь, а остальное отдай мне, отвезу в комитет. Даже не знаю, что дарить семьям погибших героев на Новый год, так что не забудь.

— Председатель Ван, моя дорогая крестная, ну вы и строги! Всего одну мне оставляете? — Ван Ханьлинь состроил обиженную гримасу.

— Ха-ха-ха... Ханьлинь, раз ты зовешь председателя Ван крестной, то сестрой ее больше не называй, теперь она тебе тетушка Дань, — смеясь, добавила Тянь Дань.

— Я тебе покажу обиду! Я тебе покажу непокорность! — председатель Ван отвесила ему пару легких подзатыльников.

Ван Ханьлинь тут же присмирел.

— Да забирайте, чего сразу драться-то, — буркнул он себе под нос, не смея больше сопротивляться.

— Ха-ха-ха... Ну что, паренек, куда подевалась твоя бравада, с которой ты только что со мной беседовал? — громко рассмеялся дедушка Ю.

В сыхэюане на крыльце горел свет, третий дедушка расчищал снег:

— Ханьлинь, похоже, ты встретил важных людей?

Ван Ханьлинь развязал шарф, стряхивая снег, и обнаружил, что в кармане откуда-то взялся кулек с имбирными конфетами. В шуме шуршащего пакета послышался голос Тянь Дань из-за ворот:

— В праздник Фонарей приду учить вас вырезать узоры из бумаги!

Снег шел все гуще, заметая следы от джипа. Когда Ван Ханьлинь убирал серебряный юань в камфорный сундук, рыбный суп в эмалированной кружке был еще теплым. Он вдруг почувствовал, что эта зима теплее всех предыдущих.

<http://bllate.org/book/18479/1773174>